

Айзек Азимов

Боевой гимн

Battle-Hymn (1995)

Перевод: М.Гутов

Надеяться было не на что. Сибелий Хопкинс нашел самые простые слова:

– Либо мы получим согласие марсиан, либо нам конец.

Настроение царило настолько мрачное, что не хотелось даже дышать.

– Нельзя было предоставлять автономию колонистам, – проворчал Ральф Колодни.

– Согласен, – кивнул Хопкинс. – Кто хочет отправиться на двадцать восемь лет назад и изменить ход истории? Марс имеет суверенное право решать, как должна использоваться его территория, и с этим ничего не поделаешь.

– А может, попробуем в другом месте? – предложил Бен Девере, самый молодой член экипажа, не успевший стать закоренелым циником.

– Нет других мест, – отрезал Хопкинс. – Если ты до сих пор не понял, насколько опасны эксперименты с гиперпространством, полистай школьные учебники. На Земле они невозможны. Даже Луна слишком застроена. Космические поселения слишком малы в силу трех основных законов. По крайней мере еще двадцать лет мы не сможем выбраться за пределы Марса. Подходит только Марс, причем идеально. Он практически пуст. Здесь слабое притяжение и разреженная атмосфера. Низкая температура. Все, что надо для гиперпространственных полетов... кроме колонистов.

– Как сказать, – произнес молодой Девере. – Люди – забавные существа. Если мыведем правильную игру, они могут проголосовать за гиперпространственные эксперименты на Марсе.

– Попробуй тут поведи правильную игру, – проворчал Хопкинс. – Оппозиция давно заблокировала Марс старой деревенской песенкой:

Нет, нет, тысячу раз нет!

Не получишь ласки моей никогда!

Нет, нет, тысячу раз нет!

Лучше я умру, чем скажу тебе «да»!

– Марс помешался на этой мелодии, – угрюмо добавил он. – Ее втемяшили в мозги колонистов. Они автоматически проголосуют против экспериментов с гиперпространственными полетами, и мы не сможем полететь к звездам еще несколько десятков лет. А может, и дольше. Во всяком случае, при нашей жизни этого не случится.

Девере задумчиво нахмурился:

– А что, если мы используем свою мелодию?

– Какую мелодию?

– Среди марсианских колонистов большой процент выходцев из Франции. Можно сыграть на этническом сознании.

– Какое этническое сознание? Они давно говорят на английском.

– На подсознание это не влияет, – сказал Девере. – Услышав древний национальный гимн Франции, колонисты испытают ностальгию. Это боевая мелодия, а боевые мелодии всегда будоражат кровь, особенно сегодня, когда войн уже нет.

- Да, но слова уже давно ничего не значат, – возразил Хопкинс. – Ты их помнишь?
– Не все, – сказал Девере и пропел чистым тенором:

Allons, enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la tyrannie!
L'étendard sanglant est levé*.

- Из тысячи марсиан ни один не поймет, о чем идет речь, – покачал головой Хопкинс.

– Какая разница? – воскликнул Девере. – Надо попробовать. Свою древнюю боевую песню они узнают и без слов. Она их расшевелит. Да и сама мелодия звучит победоносно. Не то что камерная: «Нет, нет...» Уверю вас, боевая песня войдет в сознание каждого и вытеснит слезливую песенку отказа.

– Похоже, в этом что-то есть, – задумчиво произнес Хопкинс. – Надо только добавить несколько энергичных, сильных призывов, например: «Человечество, к звездам!», или: «Найди свою звезду», или: «Самая медленная наша скорость – быстрее света». И все это на фоне твоей мелодии.

– По-моему, – сказал Колодни, – «la jour de gloire» означает «день славы». Мы можем использовать эту строчку в призыве «день славы настанет, когда мы полетим к звездам». Если часто употреблять сочетание «день славы», марсиане могут проголосовать положительно.

– Слишком уж все легко получается, – мрачно проворчал Хопкинс, – но ничего другого нам, похоже, не остается. Давайте попробуем.

Так началась великая предвыборная борьба мелодий. Во всех куполообразных постройках Марса, от Олимпии до Долины Морей и дальше, в районах кратеров, с одной стороны звучало «Нет, нет, тысячу раз нет...», а с другой – «Allons, enfants de la Patrie...»

Энергичный ритм боевой песни имел несомненный успех. Он заглушал робкую песенку отказа, и Хопкинс был вынужден признать, что положительный результат голосования, который еще недавно был абсолютно нереален, обрел пусть крохотный, но шанс.

– Проблема заключается в том, – произнес Хопкинс, – что наша песня ни к чему не призывает. Их песня, какой бы дурацкой она ни была, по крайней мере утверждает отказ «Нет... нет... нет!» А у нас просто мелодия. Да, она запоминается, ну и что? Кто из колонистов знает, что такое «La jour de gloire»?

Девере улыбнулся и сказал:

– Давайте подождем голосования. Мы ведь так решили?

Наконец наступил решающий день.

К концу дня голосования Хопкинс почти утратил дар речи. Результат уверенно приближался к девяноста процентам в пользу «да». Сомнений в исходе выборов уже не оставалось.

Колонисты Марса проголосовали за то, чтобы их планета использовалась для экспериментов, благодаря которым люди рано или поздно полетят к звездам.

Наконец Хопкинс произнес:

– Что произошло? В чем причина нашего успеха?

– В мелодии, – Девере расплылся в улыбке. – Я все просчитал, но не хотел говорить, так как боялся, что информация попадет к нашим неприятелям. Не подумайте, что я не доверяю кому-либо из присутствующих, но я действительно допускал, что нашим противникам удастся нейтрализовать старую боевую песню.

– Объясни, наконец, в чем ее секрет? – спросил Хопкинс.

– Она несла в себе потайной смысл. Колонисты забыли французский язык и не поняли значения слов, но они наверняка знали название этой боевой песни. Оно звучало в их сознании каждый раз, когда они слышали или сами напевали мелодию.

– Ну и что?

– А то, – улыбнулся Девере, – что название песни звучит как «Марс сказал да!»

---

* Вперед, дети родины, наступил день славы. Против нас тирания развернула свое кровавое знамя. «La Marseillaise» (фр.).